

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

ВЗГЛЯД С ДИСТАНЦИИ ШЕСТИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

А. КОШКИН

Доктор исторических наук

Как уже отмечалось, советскому правительству было не просто принять решение о заключении пакта с милитаристской Японией. В Кремле хорошо помнили реакцию Запада на подписание советско-германского пакта о ненападении, расцененного как “предательство идеи антигитлеровской коалиции”. Заключение аналогичного соглашения еще с одним членом “Тройственного пакта” неизбежно создало бы новые проблемы во взаимоотношениях с западными державами, которые могли расценить действия СССР как провоцирующие Японию на расширение экспансии в Восточной Азии и на Тихом океане. Продолжало беспокоить советское руководство и то, что, идя на подписание пакта с Японией, оно рисковало ухудшить свои отношения с Китаем. Однако, с другой стороны, как и в случае с Германией, пакт с японцами отвечал государственным интересам Советского Союза, ибо мог создать, хотя и ненадежные и явно временные, гарантии снижения опасности одновременного нападения на СССР с запада и востока...

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля в беседе с Молотовым попытался выдвинуть японские условия подписания пакта с СССР, в частности, официально предложил продать Японии Северный Сахалин. Это “предложение”, как и ранее в беседах Молотова с японскими послами Того и Татэкава, было решительно отвергнуто. При этом советская сторона продолжала настаивать на ликвидации одновременно с подписанием пакта японских концессий на Северном Сахалине. Было ясно, что

советское правительство не отступит от своих позиций.

В довольно сумрачном настроении Мацуока посетил Ленинград, где осмотрел сокровища Эрмитажа и присутствовал на балетном спектакле. Возвратившись 12 апреля в Москву, он телеграфировал в Токио, что Молотов “не проявляет симпатии и шансы заключения соглашения с Россией близки к нулю”⁷³. Неожиданно в гостиничном номере японского министра раздался телефонный звонок из секретариата Сталина. Мацуока приглашался в Кремль на беседу с советским лидером.

Долгие годы полный текст состоявшейся 12 апреля 1941 года беседы Сталина с Мацуокой оставался неопубликованным и хранился в “сталинском архиве”. Лишь в последнее время этот важный документ, помеченный грифом “Сов. секретно. Особая папка”, стал доступен исследователям.

Анализ характера дипломатических контактов Сталина с иностранными политиками свидетельствует о том, что он неуклонно следовал выработанной им следующей тактике ведения переговоров. На предварительном этапе Молотову поручалось занимать довольно жесткую позицию, в максимальной степени “дожимать” партнеров, добиваться от них наиболее полного учета советской позиции. При этом в последний момент когда создавалось впечатление, что соглашения уже достичь не удается, в дело вступал сам Stalin. Продемонстрировав в присущей ему характерной манере широту своих политических позиций, он предлагал хорошо продуманный заранее компромисс, открывавший возможность вывести переговоры из тупика. В этой ситуации иностранному политику было трудно не пойти навстречу советскому лидеру. Подобное произошло

и в данном случае. Уже паковавший чемоданы Мацуока был поставлен в ситуацию, когда не ответить положительно на предложенные Сталиным компромиссы было просто не тактично. Тем более, что выдвинутый Сталиным вариант соглашения не требовал от Японии никаких уступок, кроме согласия на ликвидацию на устраивавших в целом Японию условиях концессий на Северном Сахалине. К тому же, демонстрировавшиеся Сталиным откровенность и примирительный дружественный тон убеждали Мацуоку, что советский лидер искренне стремится на продолжительный срок избежать новых конфликтов с Японией.

Мацуока - единственный японский крупный политик, с которым Stalin имел дело напрямую. Поэтому, думается, интересно проследить все нюансы состоявшегося разговора и соглашения, во многом определившего последующие события в мире.

СОВ. СЕКРЕТНО

Особая папка

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

Тов. СТАЛИНА И.В.

с министром иностранных
дел Японии МАЦУОКА

12 апреля 1941 года

Мацуока благодарит тов. Сталина за радушный прием в Советском Союзе и за оказанное ему содействие во время его пребывания в СССР, а также благодарит за то, что тов. Stalin согласился принять его сегодня с прощальным визитом.

Тов. Stalin отвечает, что это его обязанность.

Затем Мацуока говорит, что Молотов, видимо, уже докладывал ему о том, что Мацуока хотел бы за время своего пребывания в СССР заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий в

Окончание. Начало см. “Азия и Африка сегодня”, 2001, № 5-7.

Нумерация ссылок по всей статье единная.

порядке дипломатического блицкрига.

Мацуока считает подписание пакта о нейтралитете полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР и полагает, что было бы эффективным подписать пакт именно в данный момент. Однако, его желание не увенчалось успехом. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан. Тем не менее, его пребывание в СССР дало ему многое. Мацуока говорит, что так как он был в старой России, а также в СССР проездом 8 лет тому назад, то он мог сравнить то, что было раньше и что имеется теперь и с удовлетворением констатирует необыкновенный успех в развитии СССР. Двукратная встреча с тов. Сталиным породила в нем такое чувство, что он стал считать себя близким и знакомым для тов. Сталина. То же самое, - говорит Мацуока, - он может сказать о своих отношениях с тов. Молотовым, с которым он имел несколько встреч. Мацуока думает, что такое личное знакомство может способствовать дальнейшему развитию отношений между Японией и СССР.

Затем Мацуока напоминает, что еще вчера он говорил тов. Молотову о том, чтобы последний навестил Японию с тем, чтобы он, Мацуока, мог ответить ему за тот радушный прием, который ему был оказан в СССР. Мацуока указывает, что не только заключение договоров или соглашений, но также и личные визиты являются составной частью дипломатии. Личные визиты, а также ответные визиты могут способствовать сближению двух стран и это могло бы иметь положительный результат для японо-советских отношений.

После этого Мацуока просит разрешения высказаться по следующим моментам.

Первое. Япония имеет с Германией союзный договор. Однако, из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и

он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР.

Тов. Stalin бросает реплику - пакт трех не помешает этому?

Мацуока отвечает, что, наоборот, заключение пакта с Германией должно улучшить японо-советские отношения и в таком смысле он говорил в Берлине с Риббентропом. Мацуока заявляет, что он всегда говорит и сотрудничает откровенно, не занимаясь мелочами и торгашеством.

Второе. Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как Сахалин, говорит Мацуока, потонул в море, то это не оказалось бы влияния на японо-советские отношения. Мацуока далее указывает, что если он так говорит, то это не значит, что он считает ненужным разрешать мелкие вопросы. Эти вопросы также нужно разрешать, но не сейчас, а впоследствии.

Если, продолжает Мацуока, пойдти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это нужно допустить и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза. Мацуока далее указывает, что во время нахождения Стамера (Стамера. - А.К.) в Японии Мацуока говорил ему о том, чтобы Германия точно так же смотрела в том случае, если СССР будет стремиться выйти к теплому морю через Иран.

Мацуока заявляет, что у него с молодых лет сложилось убеждение, что судьбу Азии решают две силы - Япония и СССР. Об этом он говорил в своих выступлениях, книгах и потому убежден в том, что Японии и СССР лучше идти рука об руку, чем ссориться.

Третье. Для того, чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англо-саксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах.

Четвертое. Япония сейчас ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Чего Япония хочет добиться в Китае? Она хочет добиться изгнания из Китая англо-саксов. Чан Кайши - агент англо-американского капитала, и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией. Япония имеет твердую решимость бороться с Чан Кайши до конца, а потому сочувствие Чан Кайши означает собой помочь англо-американскому капиталу. В связи с этим Мацуока указывает, что, по его мнению, было бы более целесообразным отказаться от поддержки Чан Кайши и сделать так, чтобы изгнание англо-саксов из Китая имело успех.

Пятое. Это вопрос относительно так называемого морального коммунизма. Мацуока говорит, что он не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англо-саксонского капитализма. Тут же Мацуока добавляет, что его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитала из Азии. Что же касается вопроса о том, чей коммунизм лучше - ваш или наш, то об этом можно было бы говорить позднее.

Далее Мацуока говорит, что он хочет отметить следующий момент, чтобы не было недоразумений. Когда он говорил о моральном коммунизме, то это не означало, что весь японский народ и все японцы являются последователями морального коммунизма. Много болезней капитализма, который пришел в Японию более полвека тому назад, сказалось в распространении индивидуализма и капитализма среди японского народа. В Японии идет не явная, но жестокая борьба между капитализмом и моральным коммунизмом, и он уверен в том, что Япония сможет вернуться к моральному коммунизму.

Тов. Stalin говорит, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Об этом тов. Молотов заявлял Гитлеру и Риббентропу, когда он был в Берлине и когда

стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех. Гитлер заявил тогда тов. Молотову, что он в военной помощи пока не нуждается. Но пакт четырех есть пакт взаимопомощи. Если Германия не нуждается в помощи, то это значит, что пакт четырех еще не назрел. Если Мацуока заметил по печати, добавляет тов. Сталин, то и теперь Гитлер заявляет, что он не нуждается в военной помощи других государств. Тов. Сталин считает ввиду этого, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырех и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому, указывает тов. Сталин, мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте о нейтралитете с Японией. Этот вопрос, безусловно, назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг к будущему сотрудничеству по большим вопросам. Этот вопрос, говорит тов. Сталин, по его мнению, уже назрел. 30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как врачи. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но мир не принес дружбы. Поэтому он присоединяется к мнению Мацуока о том, что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе.

Далее тов. Сталин переходит к вопросу пакта о нейтралитете и говорит, что, как ему уже сообщил тов. Молотов, у Мацуока нет возражений против текста пакта и только один пункт о Маньчжуо-Го и МНР вызывает сомнения. Тов. Сталин говорит, что он не возражает против того, чтобы это место из пакта было исключено, но тогда может получиться так, что между Японией и СССР будет существовать пакт, а поле для конфликтов между Монгoliей и Маньчжуо-Го останется. Целесообразно ли это? - спрашивает тов. Сталин. Он говорит, что нужно в той или иной форме сказать также относительно МНР и Маньчжуо-Го, так как в противном случае получается, что Япония может напасть на МНР, а СССР может напасть на Маньчжуо-Го, в результате чего будет война между СССР и Японией.

Мацуока говорит, что он не возражает против существования дела, и

предложение Советского Правительства он передал японскому правительству. Так как, указывает Мацуока, у Японии с Маньчжуо-Го не союзные отношения, то он считает, что лучше о Маньчжуо-Го и МНР сказать в декларации.

Тов. Stalin говорит, что это все равно, и, значит, здесь разногласий между обеими сторонами тоже нет и, следовательно, остаются разногласия только относительно протокола о ликвидации концессий.

Мацуока заявляет, что против пакта у него никаких возражений нет, кроме редакционных поправок. Что же касается протокола о ликвидации концессий, то, так как в скором времени будут заключены торговый договор и рыболовная конвенция, то создастся хорошая атмосфера для разрешения вопроса о концессиях, а пока что он хотел бы ограничиться передачей тов. Молотову конфиденциального письма и сейчас подписать пакт о нейтралитете, без протокола.

Тов. Stalin говорит, что все беседы, которые вели Мацуока с тов. Молотовым, и сегодняшняя вторая его беседа с Мацуока убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры, а что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В этом он раньше сомневался, и должен это честно признать. Теперь у него эти сомнения из消了 и теперь действительно мы имеем настоящие стремления к улучшению отношений, а не игру.

Тов. Молотов добавляет, что у него от переговоров с Мацуока такое же впечатление, как и у тов. Сталина.

Далее тов. Stalin говорит, что он с удовольствием слушал Мацуока, который честно и прямо говорит о том, чего он хочет. С удовольствием слушал потому, что в наше время, и не только в наше время, не часто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как известно, еще Талейран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными. Тов. Stalin говорит, что он не хотел бы

затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со своими противниками в Японии, и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига.

Хорошо, продолжает тов. Stalin, допустим, что мы протокол о ликвидации концессий заменим письмом Мацуока, на которое, очевидно, будет дано ответное письмо тов. Молотова. Письмо Мацуока придется пришить к договору, как не подлежащее публикации. Если так, то, может быть, можно было бы внести в это письмо некоторые редакционные поправки.

Мацуока заявляет, что он вообще не хочет сказать, что он не может выполнить своего обещания и потому он дает свое письмо и просит ответить ему письмом тов. Молотова. Мацуока при этом указывает, что, как он уже говорил Молотову, самым лучшим и коренным способом разрешения вопроса была бы продажа Японии северной части Сахалина, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти иной способ разрешения вопроса о концессиях.

Тов. Stalin спрашивает - ликвидация концессий?

Мацуока отвечает - да, и добавляет, что он не будет откладывать этого дела в долгий ящик.

Затем тов. Stalin передает Мацуока текст письма Мацуока с редакционными поправками.

Мацуока говорит, что он не может взять на себя обязательства по ликвидации концессий в 2-3 месяца, так как ему нужно вернуться в Японию и там работать, чтобы правительство и народ поняли необходимость этого, и если бы он мог согласиться на ликвидацию концессий, то для него это уже сейчас было бы не трудным делом.

Тов. Stalin спрашивает, - к чему в таком случае сводится значение письма Мацуока без поправок?

Мацуока говорит, что в беседах между ним и тов. Молотовымочки зрения обеих сторон стали очень ясны. Он ставил вопрос о продаже Японии Северного Сахалина, что было бы коренным разрешением вопроса, но так как советская сторона не принимает

этого предложения, то нужно найти другой выход и идти по линии протокола. Мацуока заявляет, что он будет стараться работать в этом направлении, и здесь будет добрая воля, а не игра. Мацуока просит верить ему и довольствоваться его первоначальным письмом, и указывает, что будет лучше, если он вернется в Японию свободным и не связанным. Мацуока заявляет, что он имел инструкцию, в которой говорилось о продаже Северного Сахалина, но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь.

Тов. Сталин подходит к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, говорит: Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан, - пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперузу к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь Вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, говорите тов. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?

Мацуока говорит, что это было бы нужно для создания нового порядка в Азии. Кроме того, говорит Мацуока, Япония не возражает против того, чтобы СССР вышел через Индию к теплому морю. В Индии, добавляет Мацуока, имеются индузы, которыми Япония может руководить, чтобы они не мешали этому. В заключение Мацуока говорит, указывая по карте на СССР, что ему непонятно, почему СССР, имеющий огромную территорию, не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте.

Тов. Сталин спрашивает: а зачем вам нужны холодные районы Сахалина?

Мацуока отвечает, что это создаст спокойствие в этом районе, а кроме того Япония согласна на выход СССР к теплому морю.

Тов. Сталин отвечает, что это дает спокойствие Японии, а СССР придется вести войну здесь (указывает на Индию). Это не годится.

Далее Мацуока, указывая на район южных морей и Индонезии, говорит, что если СССР что-либо нужно в этом районе, то Япония может доставить СССР каучук и другие продукты. Мацуока говорит, что Япония хочет помочь СССР, а не мешать.

Тов. Stalin отвечает, что взять Северный Сахалин - значит мешать Советскому Союзу жить.

Далее, возвращаясь к поправкам в тексте письма, Мацуока говорит, что не возражает против того, чтобы вместо слов: "в течение 2-3 месяцев", указать: "в течение нескольких месяцев".

Тов. Stalin соглашается с этим.

Мацуока далее заявляет, что так как СССР не хочет продать Японии Северный Сахалин (в этот момент тов. Молотов бросает реплику: "Это невозможно", а тов. Stalin говорит, улыбаясь: "Япония хочет нас задушить, какая же это дружба"), то остается другой выход по линии протокола. Что же касается вопроса о том, сколько нефти будет поставлять СССР Японии - 100 тыс. тонн или несколько больше, то об этом нужно говорить потом. Одним словом, говорит Мацуока, он будет прилагать все свои усилия к разрешению вопроса о концессиях.

Тов. Stalin предлагает в текст письма Мацуока внести поправку: вместо "...вопрос, касающийся концессий...", написать "...вопрос, касающийся ликвидации концессий".

Мацуока соглашается с этим и далее говорит, что ему теперь придется испросить полномочий императора на подписание пакта о нейтралитете, и просит тов. Молотова дать распоряжение на Центральный телеграф о том, чтобы там ни одной минуты не задерживали телеграмму из Токио.

Тов. Молотов говорит, что он это сделает.

В заключение беседы тов. Stalin, тов. Молотов и Мацуока договариваются о выделении представителей обеих сторон для уточнения текста пакта, составления совместной декларации относительно МНР и Маньчжуо-Го и т.д.

С японской стороны были выделены Ниси, Мицкава, Сакамото, Сайто и Хираока.

С советской стороны были выделены т.т. Вышинский, Лозовский, Павлов А.П. и Царапкин.

На беседе присутствовали тов. Молотов, японский посол Татекава и советник Мицкава.

Беседа продолжалась около двух часов.

Записал Забродин⁷⁴.

В ходе этой беседы Stalin выложил на стол проект советско-японского пакта о нейтралитете. Статья 1 предусматривала обязательство обеих сторон поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В статье 2 говорилось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны другой или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта. Статья 3 предусматривала, что пакт сохраняет силу в течение пяти лет.

В предложенном тексте пакта отсутствовали какие-либо условия и обязательства по другим вопросам. Это облегчало заключение договора.

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание предложенного советской стороной документа. Вместе с тем в инструкциях японского правительства было подчеркнуто, что "Тройственный пакт не должен быть ослаблен".

* * *

13 апреля 1941 года в Кремле был подписан "Пакт о нейтралитете" между Японией и Советским Союзом. Одновременно была подписана "Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжуо-Го". Была достигнута и договоренность о разрешении в течение нескольких месяцев вопроса о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Однако по просьбе японской стороны об этой договоренности в печати не сообщалось.

На состоявшемся затем банкете в Кремле царила атмосфера удовлетворения успешно завершившимся "дипломатическим блицкригом". По свидетельству очевидцев, стремясь подчеркнуть свое гостеприимство, Stalin лично подвигал гостям тарелки с яствами и разливал вино. Однако обилие комплимента не могло скрыть от внимательного наблюдения Сергеевной и девяносто-

дателя, что за столом сидели не друзья, а противники.

Участники банкета с японской стороны, в частности личный секретарь Мацуоки Т. Касэ, рассказывали о состоявшемся за столом диалоге:

“Подняв свой бокал, Мацуока сказал: “Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет ваша. Если вы лжете, я приду за вашей головой”.

Сталин поморщился, а затем со всей серьезностью произнес: “Моя голова важна для моей страны. Так же, как Ваша для Вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах”.

Предложив затем тост за японскую делегацию, Сталин отметил вклад в заключение соглашения ее членов из числа военных.

“Эти представляющие армию и флот люди заключили пакт о нейтралитете, исходя из общей ситуации, - заметил в ответ Мацуока. - На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз”⁷⁵. Сталин тут же парировал: “Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия - это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу”⁷⁶.

Хотя Сталин попрощался с японским министром в Кремле, он неожиданно появился на вокзале, чтобы лично проводить Мацуоку. Это был беспрецедентный и единственный в своем роде случай, когда советский лидер счел необходимым таким необычным жестом подчеркнуть важность советско-японской договоренности. Причем подчеркнуть не только японцам, но и немцам.

Зная, что среди провожавших Мацуоку был и германский посол в Москве фон Шулленбург, Сталин демонстративно обнимал на перроне японского министра, заявляя: “Вы азиат и я азиат... Если мы будем вместе, все проблемы Азии могут быть решены”. Мацуока отвечал: “Проблемы всего мира могут быть разрешены”⁷⁷.

В целом, негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом военные круги Японии в отличие от политиков не придавали пакту о нейтралитете особого значения. В “Секретном

дневнике войны” японского генерального штаба армии 14 апреля 1941 года была сделана следующая запись: “Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов”⁷⁸. Еще более определенно высказался в апреле 1941 года военный министр Х. Тодзио: “Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР”⁷⁹.

О том, что наиболее антисоветски настроенные японские генералы рассматривали пакт о нейтралитете лишь как прикрытие завершения подготовки к наступательной операции, свидетельствует сделанное 26 апреля заявление начальника штаба Квантунской армии Кимура на совещании командиров ее соединений. “Необходимо, - заявил он, - с одной стороны, все более усиливать и расширять подготовку к войне против СССР, а с другой - поддерживать дружественные отношения с СССР, стремясь сохранить вооруженный мир и одновременно готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии”⁸⁰.

Советская разведка своевременно и объективно информировала Москву об этих настроениях в японской армии. 18 апреля Рихард Зорге - “Рамзай” сообщал, что “Отто” (Ходзуми Одзаки. - А.К.) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуоки телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное внимание всех присутствующих было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем...”⁸¹.

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал: “22 апреля начальник штаба армии (японской армии в Корее. - А.К.) Такахаси заявил журналистам: “СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет, и они со своих позиций не уйдут”. Такахаси привел исторические примеры, когда Китай, будучи в военном отношении слабее Японии, шел на заключение выгодных для Японии договоров. Сейчас основной задачей Японии, как он заявил, является завершение китайской войны”⁸².

Имея подобную информацию, Сталин понимал, что, несмотря на подписание пакта о нейтралитете, японцы не ослабят свою боевую готовность на границах с СССР. Тем не менее, он считал, что, имея договор о ненападении с Германией и пакт о нейтралитете с Японией, СССР сможет выиграть какое-то время и в течение определенного периода оставаться вне войны. Однако Сталин недооценил коварство государств-агрессоров, их изощренные методы дезинформации противника. Германское вероломное нападение на СССР и готовность Японии присоединиться к этому нападению с востока означало серьезное ослабление выстроененной Сталиным дипломатической конструкции на международной арене. Как показали последовавшие события, “вооруженный нейтралитет” Японии отнюдь не гарантировал безопасность СССР на Дальнем Востоке и в Сибири.

⁷³ Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971, p. 748.

⁷⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2, с. 560-565.

⁷⁵ Мацуока Ёсукэ - соно хито то сёгай (Мацуока Ёсукэ - человек и его карьера). Токио 1974, с. 879-881.

⁷⁶ Bergamini D. Op. cit., p. 749.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Тайхёй сэнсо-э но мити. Т. 5. Токио, 1963, с. 300.

⁷⁹ Тайхёй сэнсо си. Т. 4. Токио, 1972, с. 66.

⁸⁰ ГАРФ. Фонд 7876, опись 1, дело 275, лист 62.

⁸¹ Русский архив. Т. 18, с. 176.

⁸² Там же, с. 177.